

От создателя
Тани
Троттер

Омгрий Емеу

Мальчик-
вамп

ЭКСМО

Дмитрий Емец
Мальчик-вамп

«Емец Д. А.»

2008

Емец Д. А.

Мальчик-вамп / Д. А. Емец — «Емец Д. А.», 2008

Закадычные друзья Филька и Петька были в недоумении. В одном из ящичков с пособиями для кабинета биологии, что велел им перенести в класс завуч, лежал... скелет! Но откуда на костлявом пальце взялось странное кольцо – точно такое же, как на чучеле ворона из другого ящичка? И что за таинственный невидимка произнес зловещие слова: «Скоро ты заплатишь за это!»? Недолго думая, Филька решает разобраться с этой чертовщиной и решительно протягивает руку к страшной находке. И тут оскаленный череп...

Содержание

Глава I	6
1	7
2	9
Глава II	12
1	12
2	14
Глава III	16
1	16
2	17
3	19
4	20
Глава IV	23
1	23
2	27
3	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Дмитрий Емец

Мальчик-вамп

Глава I

«СМОТРИ, ТОТ ЯЩИК ПОХОЖ НА ГРОБ!»

Пустые глазницы скелета неотрывно смотрели на ребят. Сквозь провал носа был виден затылок. Внезапно одна из ног оторвалась от подставки и сделала шаг. За ней двинулась вторая нога. Теперь скелет стоял уже сам. Подставка была ему не нужна. Сухая рука качнулась вперед. Указательный палец уставился ребятам в грудь. Сомкнутые челюсти раздвинулись. Казалось, скелет улыбается.

Даже больше – насмехается.

– Вы сами этого хотели! Пришло время ответить за все! – проскрежетал ужасный голос.

1

День, разумеется, был пасмурный. Пасмурный ноябрьский день. Слякоть, дождь, пере-мешанный со снегом. Такие события всегда почему-то происходят в непогожие дни. Ну, это к слову. Пока что еще ничего не произошло. Пока что.

Перед уроком литературы восьмиклассники Филипп Хитров и Петька Мокренко стояли в коридоре и совещались. Впрочем, «совещались» – не то слово. Фактически это был заговор.

– Леди Макбет меня сегодня точно закопает! Я это нюхом чую! Виноват я, что ли, что у меня на сочинение времени не хватило? Что это за мода вообще сочинения на дом задавать? Мы что, негры? – возмущался Хитров.

– А-а! Типа безобразия! – отозвался Мокренко.

– Ты-то меня понимаешь, брат?

– Я-то тебя понимаю, брат! – честно поддакнул Мокренко. Вчера они вместе смешивали серу с селитрой.

– Она меня давно достает. «Хитров, сегодня ты не сдашь сочинение, а завтра украдешь миллион и попадешь в тюрьму!» Брат, ты когда-нибудь слышал такую чушь?

– Не-а, брат, не слышал! Типа несет че попало! – прогудел Петька.

Он возвышался над Филькой примерно на полторы головы. Фигура у него была соответствующая. Если его не дразнили «жиртрестом», то лишь потому, что толстяк мог и врезать. Когда-то Мокренко занимался боксом, но потом бросил. «Из весовых категорий вывалился!» – объяснял он.

Даже странно, что они дружили – маленький юркий Филька и великан Мокренко. Впрочем, противоположности притягиваются. До известной степени. Потом все происходит строго наоборот.

– Короче, я думаю прогулять, – подытожил Филька.

В их паре он всегда был заводилой. Наверное, оттого, что мозги у него работали раз эдак в пять быстрее, чем у его приятеля-великана.

Петька недоверчиво хмыкнул:

– Пару получишь!

– Почему это?

– Ты что, Леди Макбет не знаешь? К тому же мы столкнулись с ней на лестнице. Типа пять минут назад. И она очень внимательно на тебя посмотрела.

Хитров пожевал губами.

– Хм... «Пару получишь!» – проворчал он. – А ты сам не получишь?

Мокренко ухмыльнулся:

– Мне по барабану. Мне их и так ставить некуда. Я же не корчу из себя хорошиста.

– Мм-м... А если я заболел?

– За пять минут?

– Мало ли что может произойти за пять минут? – хмыкнул Филипп. – Имеет человек право заболеть или не имеет?

– Ага, имеет. Воспалением хитрости. Хитров заболел воспалением хитрости! Гы!

Фильке это не понравилось. Он нахмурился:

– Не шути так, брат!

– Хорошо, брат, типа не буду, – сказал Мокренко. – А если хочешь прогулять с уважительной причиной, давай я тебе врежу. Устрою рассечение брови – не больно, но выглядит страшно.

Хитров прикидывающе потер бровь, однако великодушное предложение приятеля не принял.

Задремезжал звонок. Друзья-лоботрясы неохотно потащились было в класс, но тут...
– Хитров! Мокренко!

Они обернулись. Скрестив на груди руки, на них пристально смотрел завуч Андрей Андреич. В школе у него было прозвище Стафилококк. У Андрея Андреича с этим микробом было много общего: оба маленькие, шустрые и вездесущие.

– Хитров! Мокренко! Есть желание потрудиться? – спросил завуч.

Лоботрясы переглянулись.

– Э-э... – замялся Петька.

Если он и отличался трудолюбием, то лишь применительно к еде. Например, когда дело касалось пельменей. Или котлет.

– Вообще-то у нас сейчас урок. Любимый урок литературы, который ведет наша любимая учительница Антонина Львовна, – сообщил Филька.

В глазах завуча Хитрову мерещились трудовые будни. Нечто вроде уборки школьного двора ближайшим воскресным днем. «Ура! Бери больше – тащи дальше! Комай от школьной стены до последнего звонка!» Все это было вполне во вкусе Стафилококка.

Стафилококк сдвинул брови. Он терял терпение с той стремительностью, с которой пудровая гиля падает с балкона девятого этажа.

– Так я не понял: у вас есть желание потрудиться на благо школы или нет? – раздраженно повторил он.

– Э-э! – сказал Петька.

– Не мычать! Говорить ясно! – рявкнул Стафилококк.

– Я типа и не мычу. Я сказал: «Э-э!» – неуверенно огрызнулся Мокренко.

Внезапно Стафилококк перестал кипеть и булькать. Кажется, он сообразил, в чем заминка.

– Уточняю: поработать нужно будет вместо урока! Я снимаю вас с литературы. Теперь ясно? – прищурившись, поинтересовался он.

Лоботрясы снова переглянулись. Вот она – уважительная причина! Счастливый случай! «Завучи тоже порой бывают с мозгами», – решил Филька.

– Значит, вместо литературы? Надеюсь, наша любимая учительница Антонина Львовна не очень огорчится, – сказал он. – Чего не сделаешь для родной школы?.. А что, собственно, нужно сделать?

Стафилококк растянул губы не то в улыбке, не то в ехидном оскале.

– В канцелярии стоят коробки. Перетащите их на четвертый этаж и отдадите в кабинет биологии учительнице. Вопросы?

– Нет вопросов!

– Тогда шагом марш! – рявкнул Стафилококк и исчез, чтобы через секунду появиться где-нибудь в другом месте.

Возможно, он даже исчез раньше, чем рявкнул. Он всегда так поступал.

– Классно все сложилось, брат! – сказал Хитров.

– Сам знаю, что классно! – согласился Мокренко.

Придя к этому единодушному мнению, они рванули вниз. В канцелярию.

«Летите ко мне, голубки! Я жду вас! Я давно вас жду!»

2

Ящиков было немного. Всего пять. И только один из них большой. Петька Мокренко довольно хмыкнул.

– Надо растянуть пять ящиков на целый урок! – заявил Филька Хитров.

– Ясный перец! – кивнул Мокренко.

В подобных вещах они всегда понимали друг друга с полуслова.

А мысль Фильки уже катилась дальше. Он прикидывал, что при желании пять легких ящиков можно растянуть и на все оставшиеся уроки. Даже жаль, что после литературы ничего уже нет.

Мокренко оглядел канцелярию. Большой ободранный сейф. Стол. Компьютер. И ни единой души вокруг. Секретарша куда-то вышла, а Стафилококк, как неупокоенный упырь, носился где-то по этажам.

– Интересно, что за муть привезли в кабинет биологии?

Филька подошел к ящикам и присел рядом с ними на корточки.

– Осторожно, они типа заклеены! – предупредил его толстяк.

Хитров презрительно фыркнул:

– Подумаешь, заклеены! Они же не гвоздями забиты. И потом, если рассуждать логически, то эти ящички для кого привезли?

– Для кого? – озадачился Петька.

– Для школьников, олух! А мы с тобой кто? Школьники. Значит, мы можем совать нос, куда нам заблагорассудится. Тебе лично заблагорассуживается?

– Ясный перец!

– И мне заблагорассуживается!

Хитров решительно открыл верхний ящик и заглянул внутрь. Мокренко отодвинул его и тоже заглянул.

– Тьфу ты – медуза какая-то сушеная! – плюнул он.

– Не медуза, а морская звезда!

– А мне по барабану. Все равно тухлятина. Дай-ка сюда следующий!.. Ух ты, ты это видел?

В соседнем ящике обнаружилось чучело ворона.

Его желтый сухой клюв был приоткрыт, а тусклые перья встопорчены.

На правой лапке у ворона тускло поблескивало металлическое кольцо. Неподвижный глаз мертвой птицы пристально смотрел прямо на Хитрова.

«Ты сам виноват, что сунул нос куда не надо! Скоро ты заплатишь за это! Заплатишь дорогую цену! Свою жизнь!» – вдруг услышал Филька чей-то голос.

Испуганно озираясь, он поспешил захлопнуть крышку. Голос смолк.

«Померещилось!» – решил Хитров.

Ему не хотелось больше никуда лезть, зато любопытство пробудилось у Мокренко, до которого все доходило на десять минут позже, чем до жирафа. Зато когда все-таки доходило, то надолго задерживалось в его дремучих извилинах.

– Двинь тазом, а то будешь унитазом! – велел Мокренко, отодвигая Фильку от коробок.

– Отрывай скотч аккуратно – чего ты крышку рвешь? – проворчал Хитров, уступая приятелю место.

– Не учи ученого! Ну-ка посмотрим, чего там?..

Петька сунул нос в коробку и разочарованно фыркнул:

– Тьфу ты, какие-то схемы пищеварения! Нужны они мне, как парашютисту корабельный якорь!

– И правда, зачем тебе какие-то схемы? Ты и без схем дождевых червяков перевариваешь! – вполголоса буркнул Филька.

Мокренко пасмурно покосился на него. Он не любил, когда ему напоминали об этой истории. Ну ничего, найдет он когда-нибудь ту свинью, которая подбросила ему дождевого червя в макароны. А когда он отыщет этого гада... Петька даже засопел.

Теперь неоткрытых ящичков оставалось только два.

Один – маленький, плотно заклеенный, из черного картона.

Другой – длинный, из свежих еловых досок. Этот ящик был самым большим из всех, что им поручили перенести.

– Смотри, тот ящик похож на гроб! – вдруг сказал Филька.

– Ясный перец, – согласился Мокренко, переставая сопеть.

Его приятель потер лоб.

– Но ведь это не может быть гробом?

– Чего? – не понял Петька.

– Ну, я имею в виду настоящим гробом. Скорее всего это обычный ящик. Ты как думаешь?

– Ясное дело, обычный. Откуда тут взяться гробу? Гробы на кладбище. Не по школам же их таскают? – пожал плечами Мокренко.

Невольно посматривая на большой ящик, они занялись маленькой коробкой. Филька осторожно расклеил скотч и приподнял крышку. Изнутри коробка была выстлана красной плотной бумагой. На бумаге, занимая почти всю коробку, лежало...

– Ты видел? – пораженно выдохнул Мокренко.

– Сердце! – севшим голосом выговорил Филька.

– Возьми его!

– Сам возьми!.. Ладно, давай я!

«*Не делай этого!*» – спохватился внутренний голос, но Хитров уже протянул руку. Будь сердце настоящим, оно могло бы принадлежать великану. Отчетливо видны были все желудочки, артерии и предсердия.

Самое ужасное, что сердце вовсе не было похоже на муляж. «Ну и что, что не похоже? Муляжи всякие бывают!» – подумал Филька, но тут вновь услышал голос: «*Муляж? Наивный сопляк! А было ли оно когда-нибудь муляжом?*»

– Дай сюда, я его примерю! Сечешь, если такое у меня в груди! Бултых-бултых, колотится! Типа мотор! – нетерпеливо воскликнул Мокренко.

Он выхватил у Фильки сердце и стал заталкивать его под рубашку. Внезапно лицо Петьки посерело, челюсть отвисла – и он с ужасом поспешил швырнуть сердце назад в коробку.

– Что случилось?

– Н-ничего!

– Как ничего? Что я, лица твоего не видел?

– Мне типа померещилось, что оно бьется! – неуверенно заржал Мокренко. Его щеки постепенно восстанавливали цвет.

Филька недоверчиво прищурился. Он сообразил, что Петька пытался его надуть, да еще как ловко. Вот уж от кого не ожидал!

– Ладно, – сказал Хитров. – Давай напоследок заглянем в большой ящик и будем перетаскивать. И так урок тю-тю!

Он присел перед напоминавшим гроб ящиком на корточки и принялся его разглядывать.

– Дай сюда линейку! Вон ту, железную, со Стафилококкова стола! Крышку нечем подковырнуть! Пошевеливайся! – командовал Филька.

Подцепив линейкой крышку, Хитров широко распахнул коробку и отшатнулся. Невидимая ледяная рука сдавила ему горло. Мокренко, стоявший у него за спиной, издал тихий выдох.

«Я знал, что вы это сделаете, жалкие людишки! Что ж, сами виноваты, что все произошло так скоро».

В ящике лежал на спине скелет.

Он был крупным, с желтоватыми костями и пустыми глазницами, неподвижно глядевшими в потолок. Руки скелета с длинными сухими пальцами были сложены на груди. На одном из пальцев, а именно на указательном пальце правой руки, тускло поблескивало металлическое кольцо. Такое же, как у ворона.

Фильке сразу захотелось захлопнуть ящик, но крышка съехала на пол. Чтобы поднять ее, нужно было наклониться над самым скелетом, а этого мальчик почему-то не смел. Все его тело сделалось будто ватным.

Ватным и тяжелым. Словно чужим.

Вероятно, с его приятелем происходило то же самое. Хитров не видел Петьку, но хорошо слышал, как тот прерывисто дышит.

– Что это такое? – выдохнул Мокренко.

– С-скелет.

– Сам вижу, что скелет. Зачем он?

– Математику будет вести вместо Игрека. Чего ты у меня спрашиваешь? Ты у Стафилокка спроси, – огрызнулся Хитров.

– Слышь, а он из чего? Из пластмассы? – Петька даже не обиделся, так сильно был озадачен.

– Не знаю. Не уверен. Смотри на его зубы – одна гниль! Если бы он был пластмассовый, зубы были бы как новенькие. А у этого зубов почти не осталось, – стал рассуждать Филька, к которому постепенно возвращалось спокойствие.

– Ну да, гниль! А это что такое?

– Это не зубы. Это клыки. Такие вопьются в шею и... Смотри!

Хорохорясь, Филька просунул палец между челюстями скелета. Внезапно послышался сухой щелчок. Челюсти сами собой захлопнулись, зажав палец.

– О-а-а!

Филька с воплем выдернул палец. На нем выступила кровь.

Кровь была и на правом клыке скелета.

Глава II «ОН ВЦЕПИЛСЯ В МЕНЯ!»

*– Девочка, а девочка, почему у тебя такие большие зубы?
– Мой дедушка – палач, моя бабушка – упыриха, мой папа –
оборотень, моя мама – вампириша. Вот почему!*
Хроники потустороннего мира

1

– Он вцепился в меня! – крикнул Хитров. – Ты видел: он вцепился!
Петька захохотал. Его круглые щеки запрыгали, как два помидора.
– Ой, не могу! Умора! Скелет в него вцепился! – взвизгивал он, держась за живот.
Хохот у Мокренко был слишком тонким. Неожиданно тонким для такого гиганта.

Этот хохот и привел Фильку в чувство. Хитров сразу сообразил, какое оружие дал толстяку в руки. «Видели этого типа? – станет Петька говорить всему классу. – Знаете, что с ним недавно случилось? Его скелет за палец тяпнул! А уж завизжал он будь здоров! Едва в обморок не хлопнулся!» Скелет, вцепившийся в палец, это вам покруче нехстати прожеванного дождевого червя. Восьмой «А» будет животики надрывать до самых летних каникул.

Но не успел Филька обдумать эту проблему со всех сторон, как внезапно в дверь просунулось нахмуренное лицо Стафилококка.

– Хитров, Мокренко! Вы где должны быть?

Лоботрясы разом вздрогнули.

Тут Стафилококк перевел взгляд вниз и увидел открытый ящик со скелетом. Челюсти скелета, странным образом сомкнувшиеся, когда Филька просунул между ними палец, теперь вновь слегка приоткрылись. Выражение у желтого черепа при этом было такое, будто он покачивался со смеху.

На миг завуч замер, а затем брови у него поползли к переносице. Причем правая бровь почему-то ползла быстрее, а левая все норовила застрять где-то по дороге.

– Хитров, почему экспонат распакован? Кто вам вообще разрешил заглядывать в ящик?

– Э-э... а-а... так и было, – пробормотал Филька.

Стафилококк недоверчиво скривил рот.

– Ты меня за идиота принимаешь? За болвана? За тупицу? За полного кретина? Выбери! Филька растерялся, не зная из чего выбрать.

– А линейка с моего стола? Она тоже сама поддела крышку? Ладно, Хитров, я с вами потом разберусь! А пока живо несите ящики! Одна нога здесь – другая там! Через пять минут я проверю!

Завуч зачем-то искоса бросил взгляд на скелет, повернулся и быстро засеменил к дверям. Сообразив, что он сейчас уйдет, Филька набрался смелости.

– А спросить можно? – выпалил он.

Стафилококк нетерпеливо обернулся:

– Чего еще непонятно, Хитров?

– Андрей Андреич, мы тут поспорили... Этот скелет настоящий?

Вопрос был, в общем, дурацкий. Дурацкий и заурядный. Но Стафилококк почему-то напрягся.

– В каком смысле: настоящий или ненастоящий? – нервно проговорил он.

– Ну, от мертвеца он или пластиковый?

– От десяти мертвецов! Я из тебя самого скелет сделаю, если ящики через пять секунд не будут на четвертом этаже! – рявкнул Стафилококк и исчез с удивительной даже для него поспешностью.

Филька задумчиво уставился на приятеля.

– Ты чего-нибудь понял? – спросил он.

– Не-а, – замотал головой Мокренко.

– По-моему, Стафилококк темнит!

– По-моему, тоже темнит!

– Ладно, делать нечего. Бери ящики!

Филька наклонился, чтобы поднять крышку. На миг его лицо оказалось совсем близко от пустых глазниц черепа. Хитрову почудилось, что в них на мгновение вспыхнуло синее ироническое пламя. Сердце у мальчишки заколотилось, а палец с запекшейся на нем небольшой ранкой так и запульсировал болью.

– Чего ты копаешься? Долго тебя ждать? – нетерпеливо крикнул Петька, уже торчавший в дверях.

Страхнув оцепенение, Филька поспешно набросил на ящик крышку и подхватил его за край.

– Посторонись, мелюзга! Не видишь: гроб несем! – заорал на кого-то Мокренко, протискиваясь в коридор.

Толстяку очень нравилось, что они тащат скелет, и хотелось привлечь побольше зрителей.

Когда в кабинете биологии большой ящик был вновь открыт, внезапно обнаружилось, что скелет лежит на боку, а его руки, прежде сложенные на груди, теперь вытянуты вдоль туловища.

– Ты видел? Видел? Он перевернулся! – прохрипел Филька.

– Ага, брат! Типа хотел вылезти и тебя за горло: хресь! Лужа крови, и ты труп! Приятно познакомиться со скелетом графа Дракулы! – легкомысленно выпалил Петька.

Толстяк объяснил новое положение скелета тем, что по дороге они несколько раз встряхивали ящик, чтобы дать знакомым девчонкам послушать, как грохочут кости.

Хотя Мокренко растолковал все правдоподобно, Фильке все равно было не по себе. Ему даже почудилось, будто скелет, чтобы лучше слышать, слегка повернул голову набок...

2

В тот день Хитров вернулся домой раньше обычного. Он даже отказался от заманчивого предложения Мокренко пойти к нему и заняться изготовлением пороха. Настроение у Фильки было скверное. Он ощущал смутное беспокойство, которое никак не мог стряхнуть.

– Идиот Стафилококк! Пристал со своими ящиками! Лучше бы мне пару влепили, – бормотал Хитров по дороге, пиная пустую банку из-под джина с тоником.

Открыв дверь своим ключом, Филька шагнул в коридор и тотчас услышал доносившийся с кухни душераздирающий женский крик.

– Нет, нет, нет! Не смей подходить! А-а!

Женщина взвизгнула еще громче и затихла. Отчетливо стали слышны kloкочущий рев и хруст. Судя по этому звуку, на их кухне кого-то пожирали, причем в сыром свежерезанном виде.

Мальчик прокрался к кухне и заглянул внутрь. За столом сидел его старший брат Виктор – студент-ветеринар – и смотрел по виду как ужасик. Филька испытал облегчение, но все равно на всякий случай спросил:

– Это ты, Витя?

– Нет, не я! – глухо ответил брат, оборачиваясь.

Вопль Фильки слился с воплем недоеденной дамочки из телевизора. Взглянув на лицо брата, Хитров-младший попятился и врезался спиной в холодильник. Ему померещилось, что рот у брата залит кровью. В крови были его губы и даже подбородок.

Виктор уронил вилку.

– Чего ты орешь? – спросил он.

– Кровь! У тебя кровь!

Студент-ветеринар облизал губы.

– Это кетчуп, осел!

– Кетчуп?

– Ну да, кетчуп, я же пельмени ем. Ну ты, братан, даешь! Ты головой, часом, ни обо что не ударялся?

Тут Хитров-младший и правда узрел, что брат ест пельмени, а рядом с ним стоит бутылка с кетчупом. Фильке стало неловко. После этого идиотского случая с укусом он вел себя, как псих.

Студент-ветеринар между тем пустился в рассуждения:

– Живет себе человек. Вроде вполне нормальный, а зацепится обо что-то башкой, и у него появляются закидоны. Типа как у той девицы, которая меня бросила. Ну она-то точно головой шархнула. А у тебя как с этим делом?

– Нет, я головой не стучался, – с сомнением сказал Филька. – У меня другое. Меня сегодня скелет за палец укусил!

Брат заинтересованно посмотрел на него и обмакнул пельмень в кетчуп.

– Смотри, Филипп, теперь не взбесись! – предупредил он.

– Не взбесись? – переспросил Филька.

Витя даже с места привстал:

– Ты что, не слышал про бешенство? Опасная штука, это я тебе как врач говорю. Сорок уколов в живот – и то не помогает. Если бы ты был коровой, я бы велел тебя усыпить.

– Усыпить?

– За милую душу. Но так как ты не корова, то живи пока. Имей в виду: если начнешь бояться воды, я тебя предупреждал. А вообще-то может быть и того хуже. Бешенство – это еще цветочки! – подумав, добавил Виктор.

– Хуже? Что хуже? – с беспокойством спросил брат.

Студент выдержал эффектную паузу. Он обожал пугать.

– Видишь ли... Ты когда-нибудь слышал про вампиров?

Филька сглотнул. Про вампиров он слышал сегодня уже дважды. Первый раз от Мокренко.

– Слышал.

– Я это к чему говорю? – продолжал смаковать Виктор. – У вампиров, оборотней, вурдалаков и тому подобных симпатяг есть одно нехорошее свойство. Каждый, в кого они вопьются, сам становится таким же. Соображаешь?

– Соображаю.

– То-то и оно. А теперь представь, что тебя укусил скелет вампира. Что из этого следует? То, что ты очень скоро сам превратишься в такого же симпатягу!

Виктор вновь занялся пельменями. Монстр на экране телевизора потрошил очередную жертву.

Филька прижался спиной к холодильнику. Он чувствовал, что брат над ним издевается, но все равно невольно прислушивался к его словам. Кроме Виктора, поговорить о скелете было не с кем. Родители для этого не подходили: их больше интересовали всякие скучные вещи вроде уроков.

– Послушай, Вить, я серьезно. Кроме шуток. Меня укусил скелет. Разве этому есть логическое объяснение? – спросил Хитров-младший.

Брат зевнул. Эта история, кажется, начинала ему надоедать.

– Ты серьезно, и я серьезно. Не надо совать пальцы куда попало. А то, что он тебя тяпнул, так тут, наверное, дело в пружине.

– В пружине? – обрадовался Филька.

– Ну да. Этим красавцам иногда приделывают пружины, чтобы они открывали и закрывали рот. Зубы там демонстрировать и все такое. Эти железки у них в башке. Придешь в школу – посмотри.

Фильке стало досадно. Как он сам не подумал про пружину? Конечно же, дело в ней. Открывая скелету рот, он разомкнул ее, а она – раз! – и захлопнулась. Вот и все дела! «Ясный перец!» – как сказал бы Мокренко.

– А скелет из чего сделан? Я имею в виду, что он ведь ненастоящий? – спросил Филька для окончательного успокоения.

Но вместо того, чтобы успокоить его, брат лишь покачал головой:

– А вот тут ты не прав... Очень даже может быть и настоящий. Бывает, что люди завещают свой труп для медицинских целей. Алкаши так часто делают, наркоманы, ну и все прочие, кому не жалко и деньги нужны. В паспорт им ставят особый штамп. Так ты и живешь с этим штампом и в ус не дуешь, а когда умираешь, тебе заглядывают в паспорт и говорят: «Ага! Хитров Филипп Петрович! Очень кстати! Нам тут как раз из сто второй школы заказ на один скелет поступил».

Студент-ветеринар незаметно перескочил в разговоре на самого Фильку, понизил голос до шепота и, наклонившись к брату, очень эффектно продемонстрировал, как с лица сдирают кожу.

Зазвонил телефон. Виктор прервал свой увлекательный рассказ, встал и небрежно поставил тарелку в раковину.

– Помоешь за меня! – распорядился он. – Заодно проверим, нет ли у тебя водобоязни. Для бешеных и вурдалаков – это обычная вещь.

– Утешил, нечего сказать! – пробормотал Филька.

Глава III «ХОЧУ ВЫШИТЬ ЧЕГО-НИБУДЬ КРАСНОГО!»

– Ты не видел, где моя голова?
– В подвале, Ваша Мерзость!
– Неохота мне что-то ее доставать. Дай-ка я твою нахлобучу!
*Граф Дракула сдернул с упыря голову и отправился на охоту.
Бедному упырю ничего не оставалось, как на ощупь спуститься в
подвал и надеть голову графа.*
Хроники потустороннего мира

1

Ночью Фильку мучили кошмары. Точнее, кошмар был один, но повторявшийся много раз подряд. Ему мерещилось, что скелет берет его за руку и ведет в черную пещеру. Там, в пещере, Филька с ужасом видит, что тоже стал скелетом. Старый скелет сажает его на трон, надевает ему на голову блестящий обруч и произносит глухо: *«Теперь ты – новый граф Дракула! Настал твой черед!»*

Проснулся Филька в холодном поту и долго лежал, глядя в потолок. Ему не хотелось вставать, не хотелось есть и вообще ничего не хотелось. Палец, который вчера укусил скелет, распух. Ранка не зарастала, несмотря на то что вчера он смазал ее йодом.

В школу Хитров пришел раньше времени и в отвратительном настроении. Прежде ни того, ни другого с ним не случалось.

– Что тебе снилось? – пристал он к Мокренко.

Петька достал из пакета бутерброд, оглядел его и снял с бутерброда волосок. Все это он проделал со своей обычной медлительностью. В отличие от обычных людей, толстяк ухитрился проголодаться не к концу третьего-четвертого урока, а спустя полчаса после завтрака.

– Ну вот, – возмущенно забормотал он, адресуясь непонятно к кому. – Типа опять волос! Какое наплевательское отношение к моему желудку! Типа он мне там кишечник забьет, а им до фонаря.

– Ты слышал, о чем я тебя спросил? Что тебе снилось?

Мокренко передернул плечами:

– А я помню, что ли? Фигня какая-то.

– Что именно? Вспомни! – нетерпеливо потребовал Филька.

Мокренко долго морщил лоб, чесал шею и под конец заявил:

– Мне снилось типа, что я иду по лесу, ищу, где порох испытать, а там какой-то чувак ремонтирует мотоцикл. То ли «Урал Соло», то ли вообще дремучий «Днепр». Я подхожу к нему, спрашиваю типа помочь. А он мне говорит: «Катись, без сопливых обойдемся!» Потом он вскакивает на мотоцикл и начинает за мной гнаться. Я беру банку с порохом, поджигаю и... А чего ты спрашиваешь? Тебе не по барабану, что мне снилось?

– Уже по барабану! – заверил его Хитров и отошел.

«С этим толстокожим все в порядке, – завистливо подумал он. – Разве его прошибешь? Ему скелет хоть ногу отгрызи, ему одна чушь будет сниться!»

2

Филька прошел на свое место, сел и уставился в парту. Он ничего не видел, ничего не слышал и ничего не замечал. Странное оцепенение навалилось вдруг на него. Стоило закрыть глаза – начинала кружиться голова. Страшно захотелось выпить чего-нибудь красного – Хитров и сам не знал, чего именно. «Кетчупа, может, или томатного сока?» – думал он, но чувствовал, что это все не то.

Внезапно Хитров обнаружил, что кто-то уже давно машет рукой у него перед лицом.

– Эй, Филипп, ты чего, глухой? Хитров, я с тобой, между прочим, разговариваю! – нетерпеливо повторял звонкий голос.

Филька потряхнул с себя свою странную дрему. Рядом с ним стояла Наташка Завьялова – самая красивая девчонка в классе. Так, во всяком случае, казалось Фильке. Впрочем, так же считали почти все мальчишки. У девчонок на этот счет было свое мнение. Впрочем, у девчонок всегда особое мнение по отношению к тем, кто пользуется успехом.

Чувство, которое испытывал Филька к Наташе Завьяловой, было очень понятным: он в нее влюбился. Часто, возвращаясь из школы, он воображал, как станет защищать Наташку от бандитов, его ранят, не слишком опасно, в плечо, а она будет сидеть рядом и положит голову ему на колени. Или он представлял, что все люди на Земле куда-то денутся, неважно куда, и останутся только двое: он и Наташка. Филька научится водить машину – тогда-то это будет запросто, сядет с Наташкой в джип, и они поедут по пустым дорогам куда-нибудь далеко-далеко, к океану.

Что же касается ответных чувств, которые Наташа испытывала к Фильке, то чувства эти не были ему известны. Женское сердце, как известно, потемки. Для всех. В том числе для самих обладательниц этих сердец.

– Хитров, ты что, совсем меня не слышал? Ты что, зомби? Я двадцать раз задала тебе один и тот же вопрос! – с возмущением повторила Наташа.

– Какой вопрос? – не понял Филька.

Наташа энергично откинула назад короткие светлые волосы.

– Ну вот, опять начинается! Я спрашивала, можно ли подсесть к тебе на алгебре? Алка, моя соседка, заболела. У нее то ли ОРЗ, то ли ОРВИ, то ли школа стала в лом.

– Подсесть на алгебре? Да, конечно, можно... – спохватился Филька. Наваждение, преследовавшее его со вчерашней ночи, развеялось. Он даже забыл на время о скелете.

Хитров поспешно сдернул свою сумку с соседнего стула. Петька Мокренко да и другие тоже, вроде этого тощего сына дипломата Антона Данилова, смотрели на него с завистью.

В класс вприпрыжку вбежал Игрек в Квадрате и начал урок. Игрек в Квадрате было очень меткое прозвище учителя. «Игрек» – потому что его имя было Игорь, а «в Квадрате» – из-за пиджака в клеточку, который он постоянно носил.

Как обычно, ни с кем не здороваясь и глядя себе под ноги, Игрек в Квадрате проскочил к своему столу и начал бубнить очередную тему. Когда он бубнил, то бывал глух, как тетерев, и можно было болтать сколько угодно: он все равно ничего не слышал.

– Чего на тебя нашло, Хитров? – шепотом спросила Наташа, поворачиваясь к своему новому соседу.

– Ничего не нашло, – буркнул Филька.

Наташа прищурилась. Она была слегка близорука, но очков не носила.

– Еще как нашло! Я-то вижу: ты какой-то другой стал.

– В каком смысле другой? – растерялся Филька.

Девочка недоуменно приподняла брови.

– Сама не знаю. Вроде такой же, но – другой. Смотришь по-другому и – вообще...

– Р-разговорчики! Хитр-ров, Завьялова, сейчас у меня пр-робкой вылетите за двер-рь! Пр-робкой! – нервно крикнул Игрек в Квадрате. «Р-р» выходило у него раскатисто и грозно, как у тигра, но, несмотря на это, его никто не боялся.

Филька и Наташа терпеливо подождали, пока Игрек возобновит свои объяснения и вновь оглохнет.

Урок алгебры Хитров провел неплохо. Совсем неплохо. Всего несколько дней назад он и поверить бы не смог, что сможет так долго – целых сорок пять минут! – разговаривать – и с кем! – с самой Наташкой Завьяловой.

Раньше он целыми неделями не осмеливался перебраться с ней и парой слов. Только смотрел на нее издали, а когда она поворачивалась к нему, то надувал щеки, закидывал ноги на стол или начинал нелепо ржать. Хорош Ромео, если он осмелел только сегодня – укушенный скелетом!

И почему Наташа утверждает, что он изменился? Ничего подобного! Вот только палец продолжает болеть, но это такая ерунда! Подумаешь, палец! Хоть бы его и вовсе не было. Важно другое: Наташа Завьялова попросила Фильку проводить ее домой.

«Что ж, юный граф Дракула, ты делаешь успехи, поздравляю тебя! Скоро ты сам осознаешь свое могущество. Очень скоро!»

3

Половину дня после этого первого урока Филька пребывал на верху блаженства. Витал в облаках. День, начавшийся так скверно – ночным кошмаром и непонятным оцепенением, – теперь выходил на редкость удачным.

Учительница английского Анна Борисовна – маленькая пухлая старушка, единственная в школе, не имевшая никакого прозвища, – заставила Фильку прочитать отрывок из нового урока. Хитров начал читать, как он читал обычно – через пень-колоду, уверенный, что получит самое большое трояк, но внезапно одолел сложный отрывок единым махом. Прочитал и остановился, растерянно моргая. Его голос звучал как-то непривычно низко и гортанно. Английские слова, в которых он прежде путался, как в длинных штанинах, теперь выскакивали сами собой.

Анна Борисовна закатила глаза и удивленно потребовала:

– Хитров, прочти еще!

Филька прочитал еще абзац. Старушка слушала его почти испуганно. Ее пухлое белое лицо с вытянутыми трубочкой губами было все в мелких морщинках. Она наклоняла голову то вправо, то влево и шевелила губами, словно проверяла саму себя.

– Филипп! Что на тебя нашло? У тебя оксфордское произношение! – воскликнула она. – И это у тебя, у которого всегда во рту была каша! Ты занимаешься с репетитором?

– Угу! С репетитором! – машинально пробормотал Филька, в последний раз открывавший учебник неделю назад, чтобы пририсовать даме на картинке усы и рога.

На пятерку в дневнике он смотрел озадаченно и почему-то совсем ей не радовался. Что-то тут было не то.

– Ну ты, блин, ботан! Зубрилой заделался! – с завистью прошипел с первой парты Антон Данилов.

Вот уж чья бы корова мычала! Этот Данилов сам был натуральный ботан. Антон и Филька Хитров давно враждовали и дрались регулярно в начале каждой четверти. В честных схватках обычно побеждал Филька, зато Данилов отыгрывался потом в течение всего полугодия, гадя по пустякам. Что-что, а гадить он умел. Это было у него наследственно-профессиональное.

Данилов продолжал еще что-то шипеть, но тут Филька поднял голову и, сам не зная зачем, поймал его взгляд. Он не вслушивался в слова, которые произносил Антон, почти даже забыл о нем, но почему-то вдруг очень заинтересовался тошей, торчащей из воротника шейсы сына дипломата.

Внезапно Данилов заморгал, и взгляд его стал жалким и напуганным. Словно стряхивая паутину, он провел рукой по лицу и поспешно отвернулся.

«Данилов меня испугался! Испугался, хотя я ничего ему не сказал, только посмотрел на него. Что со мной происходит? Что бы это ни было, я не хочу, чтобы это продолжалось! Я хочу стать таким же, как прежде!» – с тревогой подумал Филька.

4

Последним уроком была биология. Филька шагнул в кабинет и сразу увидел скелет. Ящик исчез. Теперь скелет стоял на подставке справа от стола Туфельки. Туфелька – это инфузория. Инфузория – это такая противная шустрая штукавина в ворсинках. Шустрая штукавина – это биология. Биология – это то, что преподает Туфелька. Туфелька – это инфузория... тьфу, учительница... И так далее до бесконечности.

Короче, ход мыслей ясен. Логическое кольцо сомкнулось.

– Ага! Старый знакомый! Привет, братан! Бродил ночью? – вбегая в класс, завопил Петька Мокренко.

Он подскочил к скелету и панибратски похлопал его по плечу. Костяные руки скелета закачались.

Антон Данилов принялся мериться со скелетом ростом. Но хотя в сыне дипломата было добрых метр восемьдесят, скелет все равно оказался выше его на голову.

– Да, здоровый был дядька! – с уважением сказал Данилов и отошел.

Филька посмотрел на свой палец. Потом перевел взгляд на клык скелета. Кровь с клыка исчезла.

Вспомнив, что брат говорил ему про пружину, Филька подошел к скелету и, обойдя его, пристально взгляделся ему в челюсти. Ничего похожего на пружину внутри черепа не было. Теперь мальчик был в этом уверен. Если бы пружина была, от Хитрова бы это не укрылось – снизу череп хорошо просматривался. Виден был даже свет, падавший в глазницы.

Внезапно ни с того ни с сего Фильке показалось, что скелет, как и вчера, издевается над ним. Издевается над всеми. И почему никто этого не замечает?

«Ты ожидал увидеть пружину? Неужели тебе не ясно, что дело совсем не в этом? Кого ты хочешь обмануть?»

В класс вошла Туфелька. Прозвище очень ей подходило. Даже если бы она не была биологичкой, то все равно осталась бы Туфелькой. Туфельки были у нее на ногах. Приплюснутой туфелькой казался пучок волос на затылке. Даже нос имел ту же форму.

– Хитров, не торчи у скелета! Марш на место! Класс, приготовились к контрольным тестам!

Филька поплелся за свою парту. Его парта была последней у стены, рядом со стеклянным шкафом. Сверху со шкафа свисали стебли плюща и комнатного винограда. Туфелька была большой любительницей всевозможных растений. Она даже установила особый тариф: за каждый сорванный лист – две двойки в журнал.

– «Зеленую» из себя корчит! Видали мы, блин, в Германии таких «зеленых»! – часто ворчал Антон Данилов. – Ну ничего, подолью ей в горшок какой-нибудь дряни. Только бы узнать, какой.

Филька стал доставать из сумки тетради. «Ну и что, что пружины не видно? – успокаивал он себя. – Может, там особый механизм, спрятанный внутри самих челюстей?»

Но тем не менее на скелет Хитров предпочитал не смотреть. Так ему проще было себя убедить. Рядом со скелетом вся его уверенность куда-то испарялась, и он чувствовал себя так, словно костяные руки уже легли ему на шею.

Мокренко, сидевший рядом с Хитровым, двинул приятеля локтем.

– Чего тебе?

– Глянь туда!

– Отстань! – огрызнулся Филька.

– А я тебе говорю: глянь! Поверни голову к шкафу!

Зная, что Петька не отвяжется, Хитров повернулся и почти уткнулся носом в стекло. За стеклом он увидел сердце – то самое сердце, которое они принесли вчера в коробке. Рядом с сердцем стояло встрепанное чучело ворона с блестящим кольцом на лапке.

– Типа узнаешь старых друганов? – шепнул Петька. – Я как только увидел – сразу усек: они!

– Да, они! – с замиранием сердца подтвердил Филька.

Отчего-то это соседство было ему неприятно. Надо же было случиться, что сердце и ворон стоят именно в этом шкафу. Конечно, это совпадение. Но ведь в классе-то двадцать парт и четыре шкафа! Не слишком ли много для простого совпадения?

– Слушай, – продолжал Петька. – Посмотри на крылья этого ворона! Ты ничего не замечаешь?

– А что я должен заметить?

– Да вчера они вроде были прижаты, а сегодня раскинуты, будто он взлетает.

Филька облизал губы. Да, так и есть: вчера они были прижаты. Странно, что он сам этого не заметил.

– Задание для первого варианта! Повторять не буду! Ставите букву А, а после нее цифры: 1, 2, 3. В правом верхнем углу листа: класс и фамилия. Больше там ничего не должно быть. Всем все ясно? – громко сказала Туфелька.

– Мне не ясно! – встрял Антон Данилов.

Туфелька повернулась к нему. Она уже примерно представляла, что сейчас начнется, но все равно, как муха, летела в самую паутину.

Класс приготовился к ежедневному развлечению.

– Чего тебе не ясно, Данилов?

– Вы сказали, что писать фамилию. А имя не писать?

– Можешь написать имя, – с раздражением проговорила Туфелька. – Это все, Данилов?

– Не все, – ответил Антон. – Вы сказали: писать класс. А школу писать?

– Не писать! Школа у нас одна!

– Не скажите. Школ у нас в городе много. В одной только центральной части – двенадцать, и это не считая...

– ДАНИЛОВ!!! – взвизгнула Туфелька.

– Хорошо, замолкаю, – с видом победителя кивнул Антон. – Только последний вопрос: имя писать с отчеством или без?

В классе захрюкали.

Даже Филька, хотя он и не любил Данилова, был благодарен, что тот тянет время.

– У него, наверное, в крыльях проволока! – рассуждал Петька. – Точно! Туфелька взяла ворона за крылья и согнула проволоку...

– И ты в это веришь? – спросил Хитров.

Мокренко захлопал глазами.

– А как же еще? – сказал он. – Если нет проволоки, то это фигня какая-то выходит!

Учительница возвысила голос:

– Вопрос А! Какие микроорганизмы передаются воздушно-капельным путем? Варианты ответа: амёбы, инфузории, вирусы.

– Туфельки! – вполголоса произнес Антон.

В классе захохотали.

Сдавая тест, Филька случайно поднял голову и вновь увидел скелет. Ему почудилось, что череп чуть-чуть повернут. Совсем незаметно. Ровно настолько, чтобы его пустые глазницы были направлены на Фильку. Прежде, Хитров готов был дать руку на отсечение, череп смотрел чуть левее, ближе к учительскому столу.

«Что он от меня хочет? Эй ты, что тебе надо?»

Невидимый сверкающий обруч сжал Фильке виски, холодом сковал лоб.

«Теперь ты – новый граф Дракула! Настал твой черед!»

Глава IV

«Я НЕ ХОТЕЛ, ЧТОБЫ ОН ИСЧЕЗ!»

*Дожий вурдалак подошел к привидению:
– Ты что, белое, обнаглело? Это наша территория!
Привидение укоризненно поглядело на него и растаяло в воздухе.
– Шляются тут всякие! – проворчал вурдалак, укладываясь в
разрытую могилу.
Хроники потустороннего мира*

1

После школы Филька, как они и договаривались, отправился провожать Наташу Завьялову. Что касается Петьки Мокренко, то он был оставлен добровольным дежурным в кабинете биологии.

Добровольным дежурным Петька был назначен при следующих обстоятельствах.

Пока писали тест, он ухитрился насвинячить под столом бутербродной фольгой и захватить жирными руками дверцу шкафа. Вдобавок, когда Туфелька заглянула под стол и увидела фольгу, еще обнаружилось, что Мокренко без сменной обуви.

Петька бы отделался замечанием в дневник, но, когда Туфелька на него кричала, в дверях в самое неподходящее время вырос Стафилококк.

– Я вам обещаю, Екатерина Евгеньевна! Скоро здесь будет не просто чисто, а очень чисто! – сказал Стафилококк словами из рекламы и посмотрел на Петьку гипнотическим взглядом удава.

Мокренко, полный нехороших предчувствий, нервно сглотнул.

– Я на прошлой неделе уже дежурил! – робко пискнул он.

Стафилококк пожал плечами.

– Я тебя ни к чему не принуждаю, дружок! Я только предлагаю тебе разумный выбор. Одно из двух: или ты записываешься на сегодня внеочередным дежурным и проявляешь чудеса трудолюбия, или приводишь ко мне завтра свою мать. Выбери!

Вот так и случилось, что Петька записался добровольцем. Мать он боялся. Она хоть и не занималась боксом, но руку имела очень тяжелую.

Филька и Наташа переходили дорогу, когда откуда-то из-за угла дома выскочил запыхавшийся Антон Данилов. Вначале он сделал вид, что просто проходит мимо, и даже гордо задрал голову к небесам, но едва не попал под «Жигули» и, обруганный водителем, подошел к ним.

– Вандалы! – возмущенно сказал он. – Чайники! В Германии так не ездят! Там, если пешеход переходит, все машины стоят и ждут, пока он пройдет!

– Ага! – хмыкнул Филька. – Как же! Даже если он просто на автобусной остановке торчит и ногу чешет, они и тогда ждут! Мало ли что ему в следующий час вздумается?

Антон не удостоил его ответом, только фыркнул. Прожив за границей дней двадцать от силы, он теперь ругал все русское и вел себя, как завзятый иностранец.

Филька почувал, что отвязаться от Данилова будет непросто. Тощий сын дипломата считал себя неотразимым покорителем девичьих сердец. Вот и сейчас он как бы невзначай поведал, что в Германии в него смертельно влюбилась одна взрослая уже девушка, а когда он, Данилов, сказал, что ему всего четырнадцать, то она от огорчения наглоталась каких-то таблеток.

– Аскорбиновой кислоты! – недоверчиво сказал Филька.

Антон Данилов снова презрительно фыркнул. У него был целый набор презрительных фырканий разной степени выразительности.

Филька почувствовал, что закипает. Причем закипал он не так, как всегда, а как-то очень стремительно и бурно. Перед глазами у него даже запрыгали черные пятна.

«Ударь его! Вцепись ему в горло зубами! Кровь так вкусна! Укуси! Действуй решительнее, юный граф Дракула! Пускай он станет таким, как ты! Это будет твоя первая добыча!»

Филька сам испугался своего гнева, так не похожего на тот гнев, который обычно охватывал его перед дракой с Даниловым. Этот страх – страх, который он испытывал к себе самому, – помог ему взять себя в руки.

Теперь Хитров только шел и смотрел под ноги. Укушенный палец пульсировал болью. Эта боль распространялась на всю ладонь и сковывала даже запястье. И это при том, что палец уже не кровоточил, ранка затянулась и рука выглядела совершенно здоровой.

Данилов, разумеется, не замечал происходивших с Филькой перемен. Он видел только, что тот молчит и упускает инициативу. Пользуясь этим, Антон хорохорился перед Наташей и болтал без умолку.

– Вот многие тут не понимают, как я знакомлюсь с девочками! – говорил он. – Другим сложно, а мне несложно! Для меня это запросто. С девочками главное что? Подход!

Наташа засмеялась:

– И что же это за подход?

– О, – обрадовался Антон. – Тебе интересно? Сейчас объясню! Взять хоть того же Мокренко. Как он действует, если хочет познакомиться? Подходит, положим, к какой-нибудь девочке у киоска, набычивается и бормочет: «Типа привет, как там тебя! Я типа Петька! Типа я тебе позвоню!»

Данилов так похоже передразнил толстого тугодума, что Филька невольно улыбнулся. Антон, удивленный этим одобрением, покосился на него.

– Разумеется, с таким подходом у него сплошные провалы. Кто станет с ним общаться, когда у него через каждые два слова то «блин», то «черт», то «телка», а то еще чего-нибудь похлеще? Вот ты, Хитров, поставь себя на место той девочки. К тебе подходит амбал с нечищеными зубами, толкает тебя в плечо и говорит: «Блин, откуда ты здесь взялся? Ну что, бычок, хочешь со мной дружить? Давай свой телефон!» Захочешь ты с таким связываться? И девочка, ясное дело, тоже не хочет.

– Ну-ну, – насмешливо сказал Филька. – А как знакомятся профессионалы вроде тебя?

Антон картинно взмахнул рукой.

– О, существует масса вариантов! Например, вариант классический. Связан с погодой. Допустим, дождь, а девочка без зонта. Я говорю ей: «Ты же вымокнешь! Хочешь дойти под моим зонтом?»

– А если наоборот? У нее есть зонт, а у тебя нет? – заинтересовалась Наташа.

– Тогда наоборот. Я спрашиваю: «Ты не возражаешь, если я тоже спрячусь под твоим зонтом?»

– А если вообще нет дождя?

Антон наморщил лоб.

– Это уже задача посложнее. Тогда говоришь что-нибудь неожиданное. Допустим: «Ты знаешь, что в феврале сорок два дня?»

– Почему сорок два?

– Вот и она спросит: «Почему?» С этого и завяжется разговор. На ее «почему», я отвечу: «Потому что в марте тридцать восемь!» или что-нибудь другое, тоже неожиданное. Например: «Потому что все крокодилы улетели на Северный полюс!»

Наташа озорно прищурилась. Филька почувствовал, что разговор ее занимает, и вновь испытал бешеную ревность. Достаточно было малейшего повода, чтобы он сорвался.

«Расправься с ним! Почему он пристаёт к твоей девчонке? Ведь ты ее провожаешь! Укуси его! Потом укуси Наташу – и она тоже станет такой же, как ты! Не мешкай, юный граф Дракула! Будь отважен!»

– А какие еще есть способы, если без погоды? – стараясь не смотреть на Антона, спросил Филька.

– Разные, – покровительственно сказал Данилов. – Допустим, музыкальный. Спрашиваешь: «Тебе какая музыка нравится?» Или литературный: «Ты к ужастикам как относишься?» Есть еще киношный: «Ты от какого фильма балдеешь?», или компьютерный: «Ты на компьютере умеешь работать?», или спортивный: «У тебя какой велосипед? Сколько у него передач?», или школьный: «Как ты думаешь, какой учитель у нас самый тупой?» Короче, способов штук тысяча. Главное, быть без комплексов. У нас в Германии все без комплексов.

Внезапно Наташка замедлила шаги и свернула к подъезду. Они стояли у кирпичного девятиэтажного дома.

– Вот я и пришла! – сообщила она, насмешливо глядя на Фильку.

Филька молча сунул ей сумку. Он растерялся, не зная, что делать дальше. Торчавший за его плечом Данилов мешал ему.

Внезапно сын дипломата, длинный, как циркуль, наклонился и быстро поцеловал Наташку в щеку.

– Чао! – сказал он небрежно. – Еще увидимся!

Наташка выжидательно посмотрела на Фильку. Тот переминался с ноги на ногу. Целовать Наташку вслед за Даниловым, как какая-нибудь «шестерка», – ну уж нет, это не для него! Теперь все было испорчено.

Перед тем как открыть дверь в подъезд, Наташка бросила на Фильку быстрый взгляд. Хитрову почудилось, что в ее взгляде он прочитал: «Ну что, олух? Упустил свой шанс? Другого не будет!»

Едва железная дверь подъезда захлопнулась, Филька кинулся на глумливо улыбающегося Антона.

– Эй-эй, чувак! Ты чего нарываешься? Мозги тебе давно не вправляли? – удивленно забормотал не ожидавший этого Данилов.

Он попытался вырваться, но Хитров с неизвестно откуда взявшейся силой провололок Антона по газону и припечатал его к низко нависавшему балкону первого этажа. Ноги долгового Данилова при этом странным образом оказались на весу – Филька даже не сразу это осознал.

– Зачем ты ее поцеловал? Зачем ты вообще за нами потащился? Зачем? Знаешь, что теперь с тобой будет? – встряхивая соперника, как котенка, зашипел Филька.

Больше всего ему сейчас хотелось, чтобы Антон вырвался и ударил его. Но, к удивлению Фильки, Данилов не вырывался. Он висел дрябло и мягко, как мешок, только испуганно защищал руками шею.

На его лице был написан даже не ужас.

Это был смертельный страх. Страх обреченной жертвы.

Поняв это, Филька заставил себя разжать руки. Антон рухнул на газон. Как манекен. Как тряпичная кукла. Встал на четвереньки и, падая, пополз к кустам.

– Эй, ты чего? – пораженно воскликнул Хитров.

Антон вел себя так странно, что у Фильки сразу выветрился весь гнев. Нельзя гневаться на слизняка. На раздавленного червя.

– Клыки! Хитров, у тебя клыки! Клыки, как у вампира! – обернувшись, визгливо крикнул Антон.

Он кое-как поднялся и, спотыкаясь, побежал к дороге.

Филька, остывая, смотрел ему вслед.

«Какие еще клыки? Он что, спятил?» – подумал он, но машинально провел языком по зубам.

Распухший язык натолкнулся на препятствие. Вначале на одно, потом на другое. Филька похолодел. Не доверяя языку, он ощупал их пальцами.

Потом метнулся к ближайшей луже, наклонился и открыл рот. Всего клыков было четыре. Два сверху, два снизу.

«Что это? Что? Их надо убрать, спрятать!» – лихорадочно подумал Хитров. Мысль была странной, непривычной. Не его мыслью. Чужой.

Он думал не о том, откуда клыки взялись, а как их скрыть.

Клыки послушно вдвинулись в челюсти, слившись с остальными зубами. Теперь они были почти незаметны. Почти. Все-таки эти четыре зуба выступали немного больше, чем обычно.

«Приветствую тебя, юный граф Дракула! Похвально, похвально! Жаль только, что ты не вцепился ему в горло. Ну ничего, ты сделаешь это потом. Ты и так превращаешься в вампира быстрее, чем я ожидал! Помни об этом, юный граф! Не забывай!»

2

Филька не помнил, как добрался домой. Теперь ему было уже жутко, по-настоящему жутко. Кое-как раздевшись, он залез в душ. Его трясло. По телу прокатывались волны то жара, то холода. Менялось и лицо. Оно то становилось измученным, то вдруг странным образом полнело и раздувалось, будто кто-то то накачивал Хитрова воздухом, то спускал его.

«Я вампир! Меня укусил вампир, и я сам стал вампиром!» – билась в висках одна и та же пугающая мысль.

Филька ощупывал свое новое лицо. Изучал себя. Он чувствовал, что самые серьезные перемены коснулись строения его зубов. Он пробовал осторожно выдвинуть клыки, но клыки не выдвигались. Мальчик понял, что они выдвигаются тогда, когда он испытывает ярость. Ярость или голод. Убираются же они тогда, когда эти чувства проходят.

Голода он пока не испытывал, хотя не ел с самого утра.

Филька стоял под душем очень долго. До тех пор, пока не успокоился и по телу не перестали прокатываться волны.

«Я не буду вампиром. Не буду! Не хочу быть Дракулой! Все в моих руках! Я сильный!» – сказал он себе как можно увереннее.

Уже вылезая из душа, мальчик обнаружил, что все это время стоял под ледяной струей. Холода он не ощущал. Холод был ему безразличен.

Решив убедиться в этом, он выключил холодную воду и на полный напор открыл горячую. Вода была раскаленной – Филька видел это по пару, который от нее шел.

Вначале осторожно, а потом все смелее он направил душ на ногу, а потом на руку. В другой раз это был бы верный ожог. Теперь тело даже не покраснело.

Кончено! Жара он не ощущает, как и холода.

Филька опустился на край ванны. На глаза ему попало лезвие от папиной бритвы. Мальчик взял его, вымыл и провел им по ладони. Вначале неуверенно, боясь пораниться, а потом, набравшись решимости, закрыл глаза и резанул по большому пальцу.

Боли он не испытал. На пальце выступило несколько капель крови. Пока Филька с ужасом смотрел на кровь, она испарилась. Глубокий порез затянулся, не оставив даже следа.

Он не боится боли. Его раны заживают в считанные мгновения.

Филька машинально оделся, вышел из ванной и пошел по коридору. Его сердце отстукивало медленно и упруго, как тяжелый маятник.

«Я не буду вампиром, не буду! Не хочу быть вампиром! Я не вампир!»

«Ты – новый граф Дракула!»

«Я не вампир!»

«Иначе не может быть. Исключений нет. Каждый, кого укусит вампир, становится вампиром! Ты избран! Ты – юный граф Дракула!»

3

Внезапно дверной звонок неуверенно тренькнул. Филька посмотрел в «глазок» и увидел на площадке приплюснутую фигурку Петьки.

Мальчик открыл дверь. Его приятель дрожал, привалившись к косяку. Филька никогда не видел его таким – у Мокренко тряслось абсолютно все: щеки, челюсть, руки.

– Что случилось?

Петька долго не мог ответить, потом выпалил:

– Я не хотел, чтобы он исчез!

– Кто он?

– Стафилококк!

Фильке почудилось, что Мокренко спятил. При чем здесь Стафилококк? Хитров даже потрогал приятелю лоб.

– Ты в своем уме? Почему он исчез? – поинтересовался он мягко.

Мокренко ввалился в квартиру и рухнул на диван. Он явно был не в себе, потому что рухнул прямо в обуви, не сняв куртки. Правая штанина у него была забрызгана по самое колено – очевидно, Петька, пока бежал, упал в лужу.

– Я дежурил в классе. Мыл этот чертов кабинет. Туфелька заставила меня еще протирать стекла. Потом Туфелька вышла, а я заглянул в ее стол, – пугливо озираясь, заговорил Петька.

– И что ты там нашел?

– А, ерунду всякую! Бумаги, тетрадки, мел. Но еще там был конверт с фотографиями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.